

ПРОЛОГ

*Элмсли, графство Кент
Август 1939 г.*

Лето выдалось необычайно жарким. Солнце обжигало бедра Бена Крессвелла сквозь белые брюки для крикета. Сидя на клубной веранде, он дожидался очереди взять биты. Рядом с ним полковник Хантли, уже в щитках для ног, поминутно вытирал платком красное распаренное лицо — ему предстояло выйти на поле следующим. Отбивал он хуже Бена, однако же был капитаном команды: старшинство в деревенском крикете зачастую оказывается важнее способностей.

Еще два овера*, и можно будет выпить чаю. Только бы Симмс-младший не размахнулся, как обычно, что есть мочи и не вылетел до перерыва. Голова гудела от жары. Во рту пересохло. Бен прикрыл глаза, прислушиваясь к приятному стуку биты по мячу, жужжанию пчел в кустах жимолости за клубом и ритмичному дребезжанию газонокосилки в чьем-то саду. Теплый ветерок доносил аромат свежескошенной травы, к которому примешивался дым от костра из листьев, горевшего вдалеке. *Вот они, звуки и запахи английского летнего воскресенья, неизменные на века*, подумал Бен.

Вежливые жидкие аплодисменты заставили его вновь устремить взгляд на поле, где между калитками бегали два игрока

* Сет из шести подач в крикете.

в белой форме, а третий, из команды противника, понесся за мячом, но не успел бросить. Еще один пробег. *Вот и славно*, подумал Бен. *Глядишь, и выиграем, в кои-то веки*. Позади безупречно подстриженного игрового поля шпиль церкви Всех Святых, где служил викарием его отец, отбрасывал остроконечную тень на деревенский луг. А еще дальше старый дуб закрывал памятник жителям деревни, погибшим на Великой войне. Шестнадцать имен — Бен подсчитал. Шестнадцать мужчин и юношей из деревни в двести жителей. «Какой-то абсурд», — пробормотал Бен.

— А где же Прескотт-младший? — прервал его размышления полковник Хантли. — Он бы нам сегодня пригодился. Этому парню самые быстрые мячи нипочем.

Бен оторвал взгляд от поля и обернулся к здоровяку-полковнику. Долгая служба в Индии и избыток шотландского виски придали его коже стойкий свекольный оттенок.

— Он сдает экзамен по летному делу, сэр.

— Экзамен по летному делу? Так вот чем нынче занят этот остолоп?

— Да, сэр. Он брал уроки управления самолетом — чтобы быть готовым, понимаете. Как только объявят войну, он запишется в Королевские ВВС и тогда уж точно не окажется в пехоте. Не хочет торчать в окопах по горло в болотной жиже, как те бедолаги на прошлой войне.

Полковник понимающе кивнул.

— Да уж, несладко им пришлось. Мне-то повезло, я служил в Северо-Западной пограничной провинции*. Ну, будем надеяться, что на этот раз командование не наделает прежних дурацких ошибок.

— Насколько я понимаю, война неизбежна? — спросил Бен.

* Бывшая административная единица в Британской Индии, в настоящее время территория Пакистана.

— О да, несомненно. Это даже не обсуждается. Мерзавец Питлер вот-вот ворвется в Польшу, и тогда наш долг чести — объявить ему войну. Я бы сказал, в течение следующей пары недель все и решится.

В речи полковника отчетливо слышалась беззаботность человека, уверенного в том, что в силу возраста он уже не подлежит призыву.

— На прошлой неделе заходил к нам типчик из гражданской обороны, — продолжил он. — Велел перекопать заднюю лужайку и построить бомбоубежище, представляете. Я ему сразу сказал, что об этом и речи быть не может: моя мэмсагиб играет там в крокет и будет играть. Понятно, что скоро все станут отпускать по карточкам, так хоть крокет пусть оставят!

Бен вежливо улыбнулся в ответ.

— Да, у нас они тоже побывали. Привезли груды рифленого железа и чертежи. Это моему отцу-то, который в жизни ничего не построил! Да он радио совсем недавно научился включать.

Полковник скептически оглядел Бена:

— Ну а вы, молодой человек? Тоже в летчики?

Бен смущенно улыбнулся.

— Я бы не прочь, сэр, но не могу себе позволить платить за уроки. Придется подождать призыва — может быть, и меня возьмут в авиацию.

Полковник кашлянул, только сейчас, похоже, сообразив, что у сына деревенского vicария, который только-только окончил Оксфорд и лишь недавно начал преподавать в скромной приготовительной школе, вряд ли водятся деньги. Он повертел головой, словно стараясь отыскать новую тему для разговора, и воскликнул с удивлением:

— Ого, гляньте-ка, кто к нам пришел. Это же леди Памела. Я и не знал, что она интересуется крикетом!

Бен почувствовал, как лицо заливают краска, и разозлился на себя. Памела шла к ним грациозно и легко — воплощенная

свежесть и элегантность, в шелковом платье персикового цвета. Прядка пепельных волос упала ей на лицо, Памела убрала ее и тут заметила Бена. Оба мужчины вскочили.

— Как хорошо, что вы пришли нас поддержать, миледи, — сказал полковник, уступая ей свое место. — Садитесь тут, рядом с Крессвеллом. Мне уже скоро на выход. Да и ноги размять пора.

Памела наградила его ослепительной улыбкой и опустилась на скамью.

— Привет, Памма, — сказал Бен. — Не ожидал тебя тут увидеть. Я думал, ты в Париже с сестрой.

— Так и было, но Па велел мне возвращаться домой. Точнее, велел привезти домой Марго. Он уверен, что война разразится с минуты на минуту, и боится, что она застрянет на материке. Но Марго отказалась сдвинуться с места.

— Неужели учеба на модельера настолько ее захватила, что она не испугалась даже войны?

Памела взглянула ему в глаза.

— Подозреваю, что на самом деле она отказывается уезжать из-за некоего французского графа, — ответила она с ироничной улыбкой.

— Вот те на, — произнес Бен, тут же мысленно отругав себя за школьное выражение. — Значит, твоя сестра влюбилась во француза?

— Им не откажешь в обаянии, — заметила Памела, все еще глядя ему в глаза. — Так внимательны к дамам, ручки целуют и тому подобное. Кто же перед таким устоит?

— Надеюсь, ты устояла, — выпалил он.

— Лично я не поклонница галльского типажа, — ответила Памела и обвела взглядом окрестности. — А Джереми сегодня не играет?

Это было как удар под дых — Бен понял, что она пришла вовсе не к нему, а к Джереми. Ну конечно, чертов Джереми. Перед его глазами невольно вспыхнула картина. Много лет

назад, таким же летним полднем, он, Памела и Джереми карабкались на огромный дуб у Фарли-Плейс — особняка, принадлежавшего отцу Памелы, графу Вестерхэмскому. Как всегда, Джереми лез первым, Памела за ним, все выше, выше, пока ветка под ней не стала опасно раскачиваться. «Дальше не надо!» — крикнул Бен. Она ответила озорной улыбкой. Внезапно раздался чудовищный треск. Мимо них проплыло, будто в замедленной съемке, удивленное лицо Памелы, и через мгновение она с глухим стуком рухнула на землю. Он сползал по стволу целую вечность. Первым до Памелы добрался Джереми, спрыгнул и приземлился рядом с ней. Бен, как обычно, поспел последним. Она лежала без движения, но вдруг открыла глаза, скользнула взглядом по озабоченному лицу Бена, потом перевела взгляд на Джереми и словно ожила. «Не бойтесь, я цела-невредима», — сказала она. И солгала. Памела сломала руку. Но именно тогда Бен осознал, что она любит Джереми, а вовсе не его. Еще он понял, что и сам любит ее до чертиков.

Столько воспоминаний, столько летних дней прошло с тех пор...

Кто-то крикнул «Как так?»*, и зрители неодобрительно загудели.

— Чертов мальчишка, остолоп несчастный, — проворчал полковник Хантли. — Все-таки не смог удержаться и размахнулся. Снова подчистую выбит.

Он поднялся на ноги. Но не успел выйти из здания клуба и направиться к выбывшему бэтсмену, как с неба донеслось глухое жужжание. Все подняли головы. Из-за холмов показался низко летевший аэроплан, жужжание перешло в гул. Аэроплан продолжал снижаться.

— Он что, намерен приземлиться прямо здесь? — воскликнул полковник. — Идиот, о чем он вообще думает?

* Этим возгласом игроки в крикет обращают внимание судьи на то, что бэтсмен соперников выведен из игры.